

Наталия В. Данилевская (Пермь)

Иррациональная оценка как «риторическая канва» речевого воплощения научного знания

Ключные речи:
*научный дискурс, новое
научное знание, динамика
познания, механизм
текстообразования,
познавательная оценка,
интеллектуальная
экспрессия, языковые
средства выражения
экспрессии, риторика
научного изложения.*

Рад је посвећен структурно-семантичкој и функционално стилистичкој анализи експресивне оцене која представља једну врсту когнитивне оцене. У научном дискурсу разматрају се начини и средства за изражавање интелектуалне експресије која служи као један од начина за формирање новог научног знања и саме когнитивне динамике у њеном кретању од старог ка новом знању, од незнања према знању као концептуалној научној целовитости.

Функционально-стилистический подход к изучению научного текста предполагает анализ его структурного (поверхностного) и смыслового (глубинного) планов с учетом широкого спектра экстралингвистических факторов, определяющих своеобразие процесса (и результата) текстообразования. Иначе говоря, лингвистическая ткань текста под «функционально-стилистическим микроскопом» предстает как динамика объединения логико-когнитивной и эмоционально-психической сторон познавательной деятельности. При этом в поле зрения лингвистов оказываются разные стороны

этой деятельности. Не является исключением и аксиологический аспект, способствующий выяснению принципов формирования ценностной структуры научного знания.

Высокая степень оценочности научного изложения отмечается многими исследователями (Котюрова 1988; Воробьева 1985; Лукьянова 1986; Матвеева 1990; Сретенская 1994; Рябцева 1996; Баженова 2001 и др.). Анализ концепций, посвященных данной проблеме, свидетельствует о том, что оценка является важнейшим экстралингвистическим компонентом научного творчества. Так, утверждается, что

Система 2004

оценка принимает активное участие в рассуждении и способна мотивировать действия автора речи (Вольф 1985, Арутюнова 1999), она не только не снижает качества изложения, но позволяет его свертывать, развертывать и организовывать, а также задает перспективу изложения (Рябцева 1996), являясь одной из сторон научного познания, она составляет особый – аксиологический – аспект эпистемической ситуации (Котюрова 1988, Сретенская 1994). В целом же, как справедливо отмечает Е. А. Баженова, «оценка регулирует усвоение, систематизацию и преобразование прошлого познавательного опыта; стимулирует выдвижение новых идей и поиск новых научных результатов» (Баженова 2001: 178).

Исследователями выделяются два основных вида оценки – *рациональная* (или *логическая*), связанная с интеллектуализированным отношением автора к описываемому предмету/явлению, и *иррациональная* (или *эмоционально-экспрессивная, чувственная*), с помощью которой в тексте выражается личностное, индивидуально-авторское восприятие предмета/явления. Эти основные значения формируют в научном тексте оценочные инварианты, которые в конкретном изложении представлены своими частнооценочными значениями. Количество и состав последних неодинаков в разных работах, однако в целом можно констатировать, что феномен «научной» оценки связывается лингвистами с выражением в тексте смыслов, соответствующих аксиологической шкале «нейтрально–хорошо–плохо».

Вместе с тем анализ *динамики* формирования и выражения в научном тексте *нового* знания позволяет говорить о том, что оценка в ее традиционном осмыслении (с точки зрения «хорошо–плохо», «принимаю–отвергаю») составляет лишь

один из уровней структурно-семантической организации аксиологического поля и не может исчерпывать его, поскольку операция оценки (оценивания) связана, по мнению философов, не только с актом интеллектуальной или чувственной характеристики объекта со стороны его позитивности или негативности, но прежде всего с когнитивным актом *познания* (уяснения, для-себя-разъяснения, т.е. в целом – *понимания*), ибо оценить какой-либо предмет – значит понять его, познать, *как* он сделан, *каковы* связи составляющих его компонентов и *что* лежит в основе этих связей. Как видно, по отношению к такой – познавательной – оценке оценка-характеристика выступает следующим, вторым во временном и, главное, когнитивном плане шагом: не уяснив сути предмета, не поняв принципа его «сделанности», невозможно оценить его положительные и отрицательные стороны для практической жизни, так же, как нельзя оценить и того, что он «безразличен» к обоим качествам. (Отметим, что разделение ментальной операции оценки на «шаги» условно и предпринимается только с целью более детального представления оценки, а также актуализации ее познавательной функции).

Интересно, что операция обоснования выступает в научном мышлении оборотной стороной операции оценки (оценивания), поскольку в самом общем смысле обосновать некоторое утверждение – значит привести те убедительные или достаточные основания, в силу которых оно должно быть принято как истинное или отвергнуто как ложное, т.е. обосновать утверждение – значит *оценить* его как истинное или ложное (Вайятт 1976, Ильин 1980, Конверский 1975, Крымский 1980, Петров 1992, Ивин 2000 и др.). Не случайно новая информация считается

таковой только тогда, когда она превращается в знание – квант смысла, получивший ранее или получающий в данный момент свою *оценочную* квалификацию со стороны познающего интеллекта. Иными словами, оценка генетически связана с мышлением, и в особенности с познанием. Именно оценка лежит в основе всякого интеллектуального действия, является его началом.

Оценку, понимаемую в качестве основы познания, или обоснования, мы определяем как *познавательную оценку*, под которой понимаем *выражение ценностного отношения к предмету мысли (или определенному мыслительному действию), фиксируемое автором в конкретном отрезке познавательной динамики и реализующееся в текстовой ткани специальными языковыми и речевыми средствами. Это та или иная характеристика компонента знания в аспекте его эпистемической определенности как в рамках окружающего контекста, так и в смысловом объеме целого текста.*

Как видно из определения, познавательная оценка включает в себя, наряду с логическим (объективным) аспектом, и собственно эмоциональный, чувственный (субъективный) аспект оценочной деятельности. В связи с этим более обобщенно познавательную оценку следует понимать как *выражение эпистемической определенности компонента знания посредством конкретизации его логико-смысловой (когнитивной) и психологической функций в контексте научного изложения.*

Как видно, познавательная оценка носит двойственный характер и объединяет два плана: собственно когнитивный, или логико-смысловой, рациональный (интеллектуальный), и эмоциональный, или иррациональный (психический).

Когнитивный план оценки (или, когнитивная оценка) – это выражение эпистемической квалификации компонента знания с точки зрения его значения в формировании и выражении онтологического плана (самого содержания) научного знания. К когнитивной оценке относятся явные и неявные квалификации таких познавательных действий, как констатация/описательное суждение, обобщение, вывод, следствие, конкретизация, уточнение, элиминация, проспекция и ретроспекция, причинно-следственные и следственно-выводные отношения, несогласие-объяснение и др., т.е. оценки, посредством которых в тексте реализуется динамика обоснования знания, осуществляющая непосредственное продвижение познания от не-знания к непротиворечивому знанию.

Иначе говоря, посредством когнитивной оценки осуществляется постепенное и незаметное для читателя (а часто неосознаваемое и самим автором) *развертывание мысли, продвижение динамики шлифовки* нового знания, его верификация, ориентированная непосредственно на воспринимающую деятельность адресата. Последнее подтверждается тем, что когнитивно-оценочными высказываниями пронизана буквально вся ткань научного текста: ср. роль и назначение в научной коммуникации обоснований, доказательств, объяснений, являющихся структурно-содержательным центром всякой научной работы и обеспечивающих «безусловно твердые, неоспоримые основания для знания» (Ивин 2000: 19). Следовательно, весьма важным функциональным свойством когнитивной оценки является ее *смылостроительное* значение, в рамках целого текста реализующее себя как *текстобразующая* функция. Именно эта разновидность познавательной

оценки «отвечает» за процесс выбора из содержательного поля знания и сочетания в целом тексте компонентов старого и нового знания, за движение познания от первоначальной оценки к формулированию научной ценности.

В связи с тем, что целью настоящей статьи является демонстрация смысло- (и текст-) строительной функции эмоционального плана познавательной оценки, обратимся к анализу последней.

Эмоциональный план оценки – это выражение эпистемической квалификации компонента знания в аспекте его индивидуально-личностного восприятия автором. Иначе говоря, эмоциональная, или, точнее, эмотивная, оценка связана с репрезентацией в языковой ткани текста оттенков эмоционального, чувственного, или собственно психического, восприятия автором того или иного компонента знания. Например: «Любопытно отметить, что подобный механизм сверхпроводимости начал обсуждаться еще до создания теории БКШ»; «Текст, прежде всего, – порождение интеллекта, гипотеза о системном строении которого, несомненно, найдет и уже находит свое подтверждение»; «Трудно переоценить роль данного аспекта описания предложения и текста для практики преподавания языка...» и др.

Из примеров видно, что эмотивная оценка, в отличие от когнитивной, характеризуется не смылостроительным назначением в тексте, а смыслоформирующим: выражая личное отношение автора к рассматриваемому объекту, она, главным образом, формирует психологический контекст шлифовки нового знания, дает читателю (да и самому ученому) представление о направлении движения познавательной интерпретации автора (от «не принимаю», «отвергаю» к «при-

нимаю», «поддерживаю»), а также понимание степени его убежденности в излагаемом знании. Чем более открыто выражается в тексте эмотивная оценка, тем более высока в нем степень конфликтности знания, т.е. степень несовместимости предшествующего знания с новым.

Вместе с тем в динамике текстообразования роль эмотивной оценки не исчерпывается выражением характеризующих значений. По нашим наблюдениям, не менее важной в процессе развертывания научного изложения оказывается другая ее функция, а именно *экспрессивная*. С последней мы связываем такой аспект познавательной оценки (в частности ее эмоционального плана), как выбор автором определенных средств выразительности, их сочетание и выражение в тексте в качестве дополнительного (по отношению к когнитивному и собственно эмотивному) приема обоснования нового научного знания и убеждения в его истинности читателя.

Иначе говоря, в структуре эмотивной оценки можно выделить две подгруппы:

1) *собственно эмотивная оценка*, т.е. оценочные действия, связанные с выражением в текстовой ткани тех или иных оттенков индивидуально-авторского отношения к вербализуемым компонентам знания. См. примеры выше, а также: «На самом деле размеры частиц (не только молекул газа!) определяются расстоянием...»; «Мы предлагаем считать прагматическими антропологические, лингвокультурологические... аспекты бахтинской философии, частью которой – лишь часть! – является теория речевых жанров»; «Не имея возможности подвергнуть работу Д. В. Пивоварова подробному анализу (она того вполне заслуживает!), я вынужден ограничиться...»; «Как же передается речь персонажей в художественном

тексте?»; «Хочется надеяться, что эти и другие уроки из истории открытия сверхпроводимости МОК будут извлечены...»; «Хотелось бы надеяться, что книга принесет пользу также теоретикам...» и др.

В этих примерах в качестве эмоциональных усилителей научного изложения выступают восклицательные и вопросительные предложения, а также выражения личностных желаний автора, связанных либо с перспективами решаемой в работе проблемы, либо с перспективами самого создаваемого текста;

2) *экспрессивная оценка*, т.е. оценочные действия, связанные с авторским предпочтением более яркого, необычного для научного стиля оформления того или иного высказывания. Именно экспрессивная оценка наиболее явно нацелена на «психологическое раскрытие автора, обладающее, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата текста» (Матвеева 1990: 27). Ср.: «Коллапс – это случайный процесс типа «бросания костей». Именно он и остается «за кадром» в традиционном аппарате квантовой теории...»; «Разумеется, такое «обратное кино» можно реализовать и просто мгновенным преобразованием скоростей...»; «... молекулярная динамика может рассматриваться как своеобразный «усилитель хаоса» приходящего извне шума»; «В этом случае можно считать, что «маленькие пятнышки» коллапсированных пакетов...»; «Вместо одной перегородки можно ввести много перегородок и ... разбить сосуд на много объемчиков...»; «Факт субъективности идеальных явлений... никогда и никем не подвергался сомнению, в том числе и Э. В. Ильенковым, коему обычно инкриминируют этот грех»; «... но эти сообщения, представленные «в лоб», ассертивно, будут менее действенны...» и др. При-

веденные примеры содержат лексические единицы или разговорного или художественного (высокого) стиля.

Кроме стилистического контраста, экспрессивно оценочные высказывания создаются в научном стиле с помощью следующих средств:

1. Особым, экспрессивным, синтаксисом, разновидностями которого в научном тексте выступают:

1) инверсия, способная переводить беспристрастное научное изложение в такую речь, в которой ощущается «присутствие автора» и его стремление высказать мысль более ярко, стилистически интересно;

2) блоки однородных компонентов, выстроенные по принципу градации;

3) уточняющие, поясняющие, присоединительные, а также другие обособленные обороты с обстоятельственным значением. В научном тексте частотны фрагменты, включающие в свой состав сразу несколько оборотов с уточняющей семантикой. При этом риторичность таких фрагментов создается именно благодаря их насыщенности лексемами и сочетаниями с общим значением смысловой конкретизации. Ср.: «Говоря о языковых единицах как системах, мы имеем в виду целостные объекты (лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции), представляющие собой упорядоченные множества содержательных элементов (с соотношениями и связями между ними, т.е. с определенной структурой плана содержания), соотношенные с множеством элементов формального выражения (таким образом, речь идет о двусторонних – содержательно-формальных – единицах)».

Как видно, риторические средства активизируют процесс понимания в сознании реципиента, расставляют необходимые акценты в содержании, связывают

в единое целое прошлые знания с настоящей информацией и, кроме того, способствуют расширению содержательного объема высказывания. В целом же можно отметить общее для всех риторических средств научного текста функциональное назначение – служить углублению, шлифовке процесса «адекватализации» диалога между автором и читателем;

4) парцеллированные конструкции, появление которых в текстовой ткани воспринимается, в силу их нетипичности для научной речи, как неожиданный для читателя поворот изложения, а следовательно, стилистически яркий, невольно заставляющий реципиента обратить особое внимание на содержание окружающего контекста. При этом парцелляты, по нашим наблюдениям, часто имеют одинаковый зачин – какой-либо из сочинительных союзов, чаще всего *и*, *а* или *но*. Ср.: «Из этой... формулировки не ясно, как следует определять разницу между абзацем и сверхфразовым единством... *А разница эта бесспорно существует. И она дает о себе знать.*»; «Контекст является условием конкретизации значений этих единиц. *А функция означает возможности реализации данного значения в речи.*»; «Языковые модели и норы... извлекались, как известно из текстов. *И это естественно.*» и др.

К случаям «научной» парцелляции мы относим и простые неосложненные предложения, в категоричной форме выражающие какое-либо познавательное-экспрессивное действие автора по поводу предшествующего суждения или собственного вопроса, ср.: «В газе квантовых частиц также естественно предположить, что... *Но этого мало.* Квантовая частица не может проявлять себя...»; «Следует ли здесь принимать во внимание расчеты, выполненные нами по схеме Хартена?

Нет.»; «Может быть, это связано с исторической эволюцией их взглядов или... терминов...? *Ни то, ни другое.*»; «Система перестроится, выбьется из ритма, перестанет нормально функционировать. *Здесь нет натяжки.*»; «Грешат ли ученые... против правды, выражая оценки таким способом? *Да, несомненно. Но не слишком. И чаще всего на пользу дела*» и т.п. Представляется, что подобные конструкции в научном тексте экспрессивны именно потому, что, как правило, находятся в окружении довольно больших по размерам и содержательно объемных предложений.

2. Экспрессивную тональность вносят в научную речь, на наш взгляд, и сложные предложения усложненного типа с осложненными простыми частями в их составе. Ср.: «*Если попытаться объединить в одном определении потенциальный аспект функции (как в более общем, так и в указанном более специальном понимании) и аспект целевой, то это определение могло бы быть таким: функция языковой единицы – это ее способность к выполнению определенного назначения, потенциал функционирования (в «свернутом виде»), и вместе с тем реализация этой способности, т.е. результат, цель функционирования.*» Как видно, предложения с разными видами связи (сочинительной, подчинительной и бессоюзной) могут одновременно включать в себя и различные виды усложнений: причастные, деепричастные, поясняющие, уточняющие обороты, а также разнообразные вводные и вставные конструкции. При этом экспрессивная тональность подобных синтаксических построений создается, с нашей точки зрения, не столько за счет «витиеватой» структуры, сколько именно благодаря смысловому усложнению: совмещению в одном высказывании сразу нескольких (иногда довольно

многих) типов познавательных оценок, что, безусловно, свидетельствует о «принадлежности» такого высказывания к плану выражения научно нового знания.

3. Тире как пунктуационный знак, создающий в предложении особую интонацию акцента, выделения какого-либо компонента знания из ряда соположенных, ср.: «Каждой такой рассеянной волне соответствует второй партнер взаимодействия – атом». Благодаря такому интонационно-смысловому тире данный компонент знания уже на уровне графического восприятия фразы и соответствующей ему интонации прочтения вычленяется из окружающего текстового пространства. И др.

Однако самым сильным средством выражения экспрессивной оценки являются, на наш взгляд, случаи объединения в одном высказывании обеих психических оценок – собственно эмотивной и экспрессивной. Приведем примеры: «*Спрашивается, почему же при таком колоссальном увеличении теплопроводности гелия-П вязкость его уменьшается?*»; «*Так формируем или формулируем? Это, как говорится, две разные вещи. Не снятое по сю пору противоречие просачивается на страницы современных авторитетнейших монографий. К примеру, Е. С. Кубрякова заявляет: «цитата». Получается парадокс, напоминающий известное суждение маленькой девочки, которая на вопрос Б. Заходера «О чем ты думаешь?» отвечала: «Откуда я знаю, что я думаю. Вот скажу, тогда узнаю» [...] Здравый смысл протестует против такого утверждения*»; «Другой вариант создания несимметрии более «громоздок» – вторую яму можно было бы «сформировать» вдали от первой ямы... Еще один вариант состоит в том, что можно *наделать* много ячеек типа... затем *сколлапсировать* в них вол-

новые функции путем их «подогревания», а затем рассортировать их на «правые» и «левые»... *Но еще более завлекательной кажется возможность...*» и др.

Такие фрагменты текста, совмещающие в себе эмоциональную и экспрессивную познавательные оценки, безусловно, сигнализируют о своей «отнесенности» к концептуальному плану научного знания.

В работе, посвященной размышлениям о месте риторики среди других научных дисциплин, М. Н. Кожина отмечает, что целью этой науки является изучение средств и способов реализации в речи *эффективности* общения и, следовательно, средств *убеждения и воздействия* (Кожина 2000: 25). В связи с этим риторика как наука выступает в качестве теории и практики «оптимизации речевого общения, его эффективности, результативности посредством воздействующей и убеждающей речи» (там же). Это наука о способах повышения адекватности общения «посредством целесообразного использования лингвистических средств создания речи, коммуникативно адекватной целевой установке, а также экстралингвистических – психологических, социокультурных и других – факторов» (там же, с. 26).

Такое понимание риторики позволяет нам интерпретировать эмоционально-экспрессивное речеведение как закономерный для научной коммуникации принцип *риторического текстообразования*. Именно эмотивная и экспрессивная оценки, как мы пытались показать, выполняют в процессе познавательного диалога функцию оптимизаторов «конструирования» и понимания нового знания. Как справедливо отмечает Н. К. Рябцева, «Хорошая наука и хорошее изложение – почти одно и то же» (Рябцева 1996: 43; см.

также: Одинцов 1980: 148–152; Понимание 1992: 45–46; Кожина 1993: 167–171).

146

Закономерно, что М. Н. Кожина находит естественным «вторжение» в нормативную для научного стиля отвлеченно-обобщенность и строгую логичность своеобразной экспрессивности, эмоциональности и даже образности, без которых научная речь не достигала бы своей цели, а автор не убедил бы читателя в истинности своих взглядов. «Очевидно под экспрессивностью научной речи следует понимать такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере и которые тем самым способствуют эффективности общения» (Кожина 1993: 167).

Весьма интересен тот факт, что среди разнообразных языковых средств научной экспрессии автор называет специфическую для научного текста *точность изложения*, так называемую *интеллектуальную экспрессию* (там же: 168). Понятие интеллектуальной экспрессии оказывается, видимо, наиболее важным для осмысления принципа риторической организации содержания научного текста. Но главное,

это понятие теснейшим образом связано с психическим планом познавательной оценки, и прежде всего – с эмотивной и экспрессивной оценками, которые составляют основу риторики научного текста, или его интеллектуальную экспрессию (ср. обилие в научном изложении фрагментов, буквально «начиненных» уточняюще-поясняющими и разъясняюще-конкретизирующими конструкциями).

Именно интеллектуальная экспрессия как природное свойство научного письменного творчества является ментальной основой, тем истоком, от которого берут начало все глубинные нити движения знания, постепенно сплетающиеся в этом движении паутину смысла, но так, что и сам узор, и точки сцепления отдельных рисунков оказываются вербально зримыми, яркими, структурно и композиционно рельефными, а значит – понятными. Реализация интеллектуальной экспрессии на поверхностном уровне ведет к повышению эффективности общения, к решению его главной задачи – выражению и верификации *нового научного знания* в доступной (а отчасти и красивой, изящной) форме.

summary

Σ Irrational estimation as “rhetorical canvas” of the speech implementation of scientific knowledge

The article deals with the problem of text formation peculiarity in the sphere of scientific activity, and mainly with the question of the dynamics of new and former knowledge representation in scientific discourse. Scientific knowledge is treated as a unit of sense structure analysis of text. Former and new knowledge are regarded as components of scientific knowledge, their dialectical unity makes a certain mechanism of scientific text building. It also gives an extralinguistical motivation of the fact, of knowledge components alternation. We also tried to specify the notion of cognitive value as a “first step” of the dynamic development of the action. The aspect of the cognitive value and the text forming role of its expressive component is also scrutinized.

Стиль 2004

Литература

- Арутюнова 1999: **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры. – 117 с.
- Баженова 2001: **Баженова Е. А.** Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 270 с.
- Вайянт 1976: **Вайянт Г. В.** Когда информация становится знанием? – In: Коммуникация в современной науке. Логика и методология науки. Сб. переводов. – Москва: Прогресс. – С. 72–84.
- Вольф 1985: **Вольф, Е. М.** Функциональная семантика оценки. – Москва: Наука. – 96 с.
- Воробьева 1985: **Воробьева, М. Б.** Особенности реализации оценочных значений в научном тексте – In: Научная литература: Язык, стиль, жанры. – Москва: Наука. – С. 47–56.
- Ивин 2000: **Ивин, А. А.** Теория аргументации. – Москва: Гардарика. – 416 с.
- Ильин 1980: **Ильин, В. В.** Структура и развитие научных теорий. – Москва: Наука. – 183 с.
- Кожина 1993: **Кожина, М. Н.** Стилистика русского языка. – Москва: Просвещение. – 223 с.
- Кожина 2000: **Кожина, М. Н.** Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики). – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь. – С. 3–32.
- Конверский 1975: **Конверский, А. Е.** Проблема обоснования в логике научного исследования. – Автореф. канд. филос. наук. – Киев. – 17 с.
- Котюрова 1988: **Котюрова, М. П.** Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. – Красноярск. – 170 с.
- Крымский 1980: **Крымский, С. Б.** Интертеория и научная картина мира. – In: Актуальные проблемы логики и методологии науки. – Киев. – С. 68–82.
- Лукьянова 1986: **Лукьянова, Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отд. – 230 с.
- Матвеева 1990: **Матвеева, Т. В.** Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск. – 167 с.
- Одинцов 1980: **Одинцов, В. В.** Стилистика текста. – Москва: Наука. – 263 с.
- Петров 1992: **Петров, М. К.** Самосознание и научное творчество. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та. – 316 с.
- Понимание 1992: Понимание и рефлексия: Материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. Вып. 2. Тверь: Изд-во Тверского ун-та. – 96 с.
- Рябцева 1996: **Рябцева, Н. К.** Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения. – Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соиск. уч. степ. доктора филол. наук. – Москва. – 112 с.
- Сретенская 1994: **Сретенская, Л. В.** Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Санкт-Петербург. – 16 с..